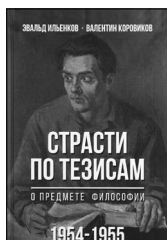

Нет философии, кроме гносеологии, и Ильенков — пророк ее

Эвальд Ильенков, Валентин Коровиков.

Страсти по тезисам о предмете философии

(1954–1955) / Автор-составитель Е. Иллеш. М.:

«Канон +» РООИ «Реабилитация», 2016. — 272 с.

Есть незамеченная беда в нашем философском образовании: студентов не учат работать в архивах, несмотря на существование нескольких кафедр, выпускающих специалистов по истории философии. На фоне целого пласта мемуарной литературы о советской философии книга Елены Иллеш демонстрирует другой — исследовательский, архивный тип работы.

По-своему революционные тезисы Ильенкова и Коровикова успели обрести легендами. Именно после этого текста 1954 года Ильенков был признан вероотступником в советской философии и остался им до конца жизни. Но вот сами тезисы канули в лету, и судить об их содержании можно было только по свидетельствам очевидцев или учеников Ильенкова, который пересказывал им эту историю. Теперь же благодаря архивным разысканиям Иллеш мы можем судить о них без купюр: в книге не только приведены стенограммы заседаний ученого совета философского факультета МГУ, партсобраний и заседаний партбюро Института философии — Иллеш частично, насколько это было возможно, реконструировала сам текст тезисов.

Другая находка — это ранее не опубликованный черновик Ильенкова к тезисам. Пусть читателя не смущает, что в 1954 году для Ильенкова Иосиф Сталин и его сподвижник Андрей Жданов оказываются референтными фигурами в большей степени (179, 196, 201, 203, 207–208), чем его научный руководитель Теодор Ойзерман (184, 193, 216). Кто бы мог подумать, что именно канонические положения из сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», выступление Жданова на философской дискуссии 1947 года помогут

Ильенкову подрывать ортодоксию заявлением: предмет философии — это мышление. Конечно, в 1970-е годы Ильенков будет отдавать философский приоритет Гегелю, а не Сталину. Тем интереснее, почему Ильенков уже в 1950-е годы был осужден за ересь «меньшевистствующего идеализма».

Ересь эта обрела свое название еще за 25 лет до написания тезисов. Политический приговор был вынесен главному организатору советской философской науки. Абрам Деборин только недавно одержал победу в философской дискуссии и покориł советский философский олимп. За отказ публично оклеветать своих соратников и объявить Сталина главным авторитетом в философии Деборин подвергся гражданской казни, а его ученики были отправлены в ссылки, позже — приговорены к заключениям в лагерях или расстреляны.

Черновик Ильенкова к тезисам любопытен как раз тем, что это чуть ли не единственный текст, где Ильенков напрямую выражает свое отношение к академику Деборину. На фоне тяжелейших обвинений Деборина в «меньшевистствующем идеализме», гегельянской ревизии марксизма и прочих грехах на протяжении почти всей сталинской эпохи звучит необычно осторожная двойственность Ильенкова в оценке философии Деборина. Ильенков уже в 1950-е годы разделял схожие с ним установки: положительная и определяющая роль Гегеля для марксизма, тождество бытия и мышления, мышление как предмет философии. Ильенков предлагает воскресить вопрос о методе в философии, отвергнутый вместе с деборинской трактовкой этого метода. При этом Ильенков критикует Деборина за абстрактность и априорность (197–199) — это повторение обвинений Деборину со стороны сталинистов от философии.

Однако можно предположить, что такая оценка Ильенковым деборинской философии претерпела эволюцию после написания раннего, подготовительного по отношению к тезисам текста. Известно, что Ильенков был представителем особой комиссии Института философии, под наблюдением которой вышел сборник философских работ Деборина в 1961 году. Ильенков писал к этому изданию предисловие, которое почему-то не вошло в окончательную версию книги. Это обстоятельство косвенно свидетельствует о философских симпатиях Ильенкова Деборину — по крайней мере, к концу жизни академика. Деборин так и не был реабилитирован после осуждения за «меньшевистствующий идеализм» — слишком много людей сделали карьеру на его низвержении.

Унаследовал ли Ильенков некоторые свои идеи от Деборина и его школы? Однозначного ответа нет. Противоположных точек зрения на этот счет придерживаются ученик Ильенкова Сергей Мареев и историк советской философии Сергей Корсаков. Публикация черновика Ильенкова дает возможность пролить свет на этот вопрос.

Книга Елены Иллеш — огромный шаг вперед в исследовании советской философии. И даже если в своих комментариях к стенограммам она не отходит от традиционного деления советской философии на «творческую» и «официальную» (самоописание «шестидесятников», грозящее стать научным различием), то текст, разумеется, ни содержательно, ни стилистически не вписывается в логику мемуаров с присущим ей высоким моральным напряжением, известную, например, по сборнику «Философия не кончается...»¹ Жанр книги — не драма, что не снижает драматического накала самой истории с тезисами: письма Коровикова и Ильенкова европейским коммунистам Тодору Павлову и Пальмиро Тольятти стали скандалом международного масштаба в глазах философской общественности². По признанию самой Иллеш, книга — философский детектив. Чего только стоит хождение автора по архивам! Заложённые картонками страницы, которые нельзя публиковать, чтобы никого «не задеть», чтение дел под присмотром замдиректора архива, а потом счастливое разрешение заглянуть в запретные листы — кто после этого скажет, что советская философия тихо умерла и уже не актуальна?!

О современном звучании тезисов напоминает Владислав Лекторский, ученик Ильенкова. Его анализ, вошедший в книгу, претендует на адекватное изложение мысли Ильенкова и его творческой эволюции³, пусть даже сам Лекторский отошел от ильенков-

1. Философия не кончается... : Из истории отечественной философии. XX в. : В 2 кн. М.: РОССПЭН, 1998.
2. Из выступлений на заседании партбюро Института философии от 2 ноября 1955 года: «Надо наказать Ильенкова за то, что он пытался нас втянуть в дискуссию с Павловым. Это безответственное поведение» (104); «Нужно сделать серьезное политическое предупреждение насчет попытки апелляции к зарубежным товарищам, попытки вбить клин между советскими партийными кадрами и зарубежными...» (114).
3. Лекторскому принадлежит спорное, но не безосновательное сравнение концепций идеального Ильенкова и «третьего мира» Поппера, фамилию которого Ильенков, по свидетельству современников, произносил с другой буквы (*Лекторский В. А. О философии России второй половины XX в. О философии России второй половины XX в. // Вопросы философии. 11.08.2009. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=49*).

ской методологии в сторону, которую Ильенков бы, несомненно, критиковал.

На фоне архивных изысканий Иллеш, дополненных историческими и теоретическими комментариями Лекторского, из всей книги содержательно выпадает только эссе Ильи Раскина, написанное в логике чистого морального пафоса и эмоциональных оценок. Само эссе интересно, скорее, как объект исследования: внимания заслуживают не столько привычные фигуры противопоставления — официоз *vs* творческий марксизм, — сколько нетривиальное видение дисциплинарной разметки, в которой этика вместе с диаматом входит в ядро (советской) философии, а не находится на периферии по отношению к диамату и истмату. А пассажи вроде «обвинений» декана философского факультета Василия Молодцова в «право-левом уклоне» (156), в стиле процессов 1930–1940-х годов, за непризнание объективности истины заслуживают отдельного внимания.

Читатель может не согласиться с критикой эмоционального восприятия истории. Сама она не может не вызывать такой реакции и сегодня, даже у философов без советского опыта. Любой нынешний студент, негодующий по поводу консервативного напора русской философии, солидаризируется со студентами из 1950-х годов: в студенческом нигилизме по отношению к русской философии обвинили (87) их преподавателей Ильенкова и Коровикова...

Мария Меньшикова